

ПРОЩАНИЕ С АВГУСТОМ

Позднее светает... Уносят тепло
Смущённые аисты.
Пока что не осень, но время пришло
Прощания с августом.

Молоденькой прелью пропахший овраг
Грустит в одиночестве.
Приходит к нему только Ванька-дурак...
Растрёпа... Без отчества...

Чадит костерок.
— Подходи, посидим —
Вот здесь, под берёзою...
Но Ванька питается духом грибным
И дымкою розовой.

— Эй, Ванька, чего это в душах свербит,
Вот ёлки зелёные!

Он лишь отмахнётся и что-то бубнит
Своё, забубённое.

О чём ни спроси, Ванька врать не мастак:
“Не знаю... Не ведаю...”
Прощается с августом Ванька-дурак,
А мы тут с беседою...

Тридцатое августа... Голос далёк.
Редеет дубравушка.
А истину знают лишь ванькин киёк
Да вдовый журавушка.

* * *

Когда отзовётся холодным и сумрачным вечером
Всё то, что осталось
На донышке стылой души,
Вдруг вспомнишь внезапно,
Что в общем-то вспомнить и нечего —
Исписаны перья да сломаны карандаши.

И сколько сквозь полночь
В кромешную даль ни поглядывай,
И сколько на полке среди старых блокнотов ни шарь,
Припомнится только
Оконце под плёночкой матовой,
Да радужный полдень, где с неба течёт киноварь...

А так — ничего...
Хорошо хоть, что узкая стёжечка
Могла, но не стала
Коварной дорожкой кривой...
И юная мама всё кормит сыночка из ложечки,
А папа смеётся, чтоб кануть в дали заревой...

Что было, то сплыло...
Все дали слезой затуманены.
Скатилась слезинка... Размыла на справке печать...
Остались строка...
Переулочек...
Драники мамины...
Ладони любимой... И что-то, о чём не сказать...

* * *

Чуть курчавится дым от воткнутой в салат папиросы.
Не идёт разговор... И не пьётся... И мысли не в лад.
Все ответы даны... Остаются всё те же вопросы:
“Что же делать теперь?..” И, конечно же: “Кто виноват?”

Да, характер таков у смурного от жизни народа,
Всё: “Авось, перебьёмся... Авось, доживём до поры...”
Будут мёд добывать, а себе не останется мёда,
Воздвигают палаты, а хаты кривы и стары.

Угорая в чаду, что дарит позабытая вьюшка,
Всё бояться чего-то, и вечен тот давящий страх.
Но наутро из хаты — чуть свет! — выбегает девушка,
И сама, как росинка, и солнце несёт в волосах.

И её узнают и деревья, и рыбы, и птицы,
И листок золочёный всё тщится в ладошку слететь...
Крикнет: “Папа, гляди!..” И отцы забывают про страхи,
И шеломистый купол на Храме спешит золотеть.

Засочится смола вдоль недавно ошкуренных брёвен,
Мужики пожалеют, что вечером слабо пилося...
— Кто виновен? — спроси. И ответят: — Никто не виновен...
— А что делать-то нужно? — Так выживем, людцы... Авось...

* * *

Она всего лишь руку убрала,
Когда он невзначай её коснулся.
Он пересел за краешек стола...
Налил фужер... Печально улыбнулся.

Она в ответ не выдала ничуть,
Что прикосанье обожгло ей кожу.
Сказала тихо: “Поздно... Как-нибудь
Увидимся... Я вас не потревожу...”

И поднялась... Напрасных мыслей рой
Пульсировал артериею сонной.
Ушёл он... С обожжённой душой...
Ушла она... С рукою обожжённой...

* * *

В струенье жизни быстротечном
Слышнее грома — только тишь.
Вовек не станет слово вечным,
Когда о вечном говоришь.
Но если, предваряя звуки,
Вдруг захлебнёшься тишиной,
Немым предвестником разлуки
Простор увидится сквозной.
И так — от выдоха до вдоха,
От первых дней до серых плит...
И кем ты стал — решит эпоха,
А вечность — кем не стал, решит...

* * *

Черта... Забвения печать
В просторе пегом...
Исчезнуть?.. Или снегом стать?..
Я стану снегом!

Чтоб вьюга закружила всласть
Под ветер грубый,
Хочу снежинкою упасть
Тебе на губы.

Чтобы, хмелея без вина,
Не сняв косынку,
Ты удивилась — солона
Одна снежинка...

То просто вымолив себе
Твою простуду,
Я буду таять на губе,
Я таять буду...

.....
*Поздравляем нашего давнего друга и автора, замечательного
поэта Анатолия Аврутина со славным юбилеем!*

Редакция